

Непрограммируемое чудо

Беседу вёл Алексей Лис (с благодарностью за помощь в подготовке интервью Максиму Ключеву и Лоре Бар).

- Сегодня у нас в гостях очень необычный человек. Мне хотелось бы сначала поделиться личными впечатлениями. Каждый раз, когда я разговариваю с Наташей (по электронной почте), у меня появляются два интересных ощущения. Первое – как будто мы "продолжаем разговор", вот только что прервались на час-два – и опять продолжаем. Хотя на самом деле могло пройти и месяца два-три с последнего. И второе – всегда кажется, что Наташа где-то рядом, близко... Ну, это сложно передать словами. Хотя на самом деле Наташа в этот момент может быть в Бразилии, России, Англии, Сиднее...

Итак, знакомьтесь – Наталья Крофтс.

Наталья Крофтс родилась в 1976 году в г. Херсоне. Окончила МГУ им. Ломоносова и Оксфордский университет. Жила в восьми странах, побывала более чем в шестидесяти. Автор многочисленных публикаций, в том числе в журналах «Нева», «Юность», «Новый журнал», «Работница», в «Литературной газете» и многих других изданиях. Сборник стихов Н. Крофтс «Поэт эпохи динозавров» вошёл в список «65 лучших книг года» в России, а в 2013 году – в длинный список премии «Литературной газеты» им. Антона Дельвига. Её английские стихи вошли в четыре британские поэтические антологии. Живёт в Австралии.

Наташа, давно хотелось тебя проинтервьюировать. А начну с такого "хитрого вопроса" – какие вопросы тебе никогда не задавали, а так хочется ответить именно на них?

– Такие вопросы всегда есть – только они меняются. Например, сейчас меня интересует видеопозия – стихи, к которым добавляется визуальный ряд, иногда – музыка или шумовые эффекты, и – голос. Иногда читаю я, но год назад появился замечательный человек из Нью-Йорка, Жаклин де Гё, которая просто чудесно читает мои стихи. По моему, такое сочетание смысла, звука, видеоряда обогащает поэзию, позволяет расширить пространство стиха, довольно «сплющенное» в наши дни.

Ведь долгое время «про себя» вообще никто не читал – наверное, многие слышали красивую историю о том, что Блаженный Августин сильно удивился, увидев, как его учитель глядит в текст – но не произносит вслух ни слова! Это всё равно, что обычному человеку увидеть: кто-то молча смотрит в ноты – и при этом вроде бы слышит музыку. И, продолжая аналогию, я боюсь, что такое «сухое» чтение всё больше ведёт к тому, что люди видят – только ноты, а про музыку уже все давно забыли, и стало как-то даже неприлично о ней напоминать.

Изначально, поэзия была целым представлением – например, в Древней Греции: с танцами, музыкой, праздничной атмосферой... Поэтому она и жила с людьми, трогала их гораздо больше, чем когда вы читаете несколько строк на листочке или на крохотном экране, между звонками, среди деловых и не очень разговоров и прочего «информационного шума», которым так богато наше окружение. Я не говорю, что нынешнее время плохо для поэзии: нет, напротив, оно заставляет стихи быть более сильными, насыщенными, лаконичными – чтобы всё-таки зацепить людей во всём этом шуме-гаме, среди кучи отвлекающих факторов. Кроме того, в наше время поэзия может быть «всегда с тобой» – достаточно только нажать на кнопку. Но стихам можно помочь обрести свой трёхмерный мир – с помощью звуков, красок, движения. Сейчас возможности «дивного нового мира» энергично используют множество разных дисциплин – а у поэзии, как мы только что сказали, на такую «трёхмерность» права очень древние.

За пару лет на моей странице Ютьюба накопилось штук 15 видеостихов, и несколько сейчас в работе. К моему изумлению, одно из этих видеостихотворений, «Эвкалипт», уже стало призёром Грушинского интернет-конкурса, а небольшое видео из трёх стихотворений, «Херсонская трилогия», получило «Золотое Перо Руси» в номинации 3D. Конечно, когда вижу старые свои клипы, как правило, хочется их изменить, улучшить – но я пока занимаюсь новыми вещами, а там – посмотрим.

– Наташа, ты пишешь прозу и стихи о многих местах, где побывала. А есть ли среди них любимые? Какие? Почему?

Вообще-то я не пишу специально о «посещённых местах»: тогда бы у меня был уже огромный фолиант, поскольку я побывала где-то в 60 странах, а жила – в восьми. Но иногда страна или просто какая-нибудь деталь или поразит тут же, или «всплывёт» потом, годы спустя. Так, побывав на Мёртвом Море и в древнем городе Петра я, вернувшись в гостиницу, в тот же вечер целиком написала «Письма с Мёртвого моря»,

очевидно, на почве эмоционального потрясения, так это было невероятно и прекрасно. Лично мне дорога одна вещь, где описана встреча, произошедшая на Сицилии – но тогда у меня и в мыслях не было её записывать. А спустя несколько лет эта миниатюра вдруг сама «проклюнулась»: я до сих пор вижу и сицилийских старичков, и человека, машущего газетой, и маленькое кафе в крохотном горном городке Энна.

– Я знаю, что ты являешься участником (в том числе – редактором) нескольких российских и международных изданий. Как ты все это успеваешь?

– В какой-то период редактора, действительно, занимала очень много времени – но была очень полезной для меня: когда читаешь поток рукописей, начинаешь лучше чувствовать, что – стихи, а что – нет. Вроде и всё хорошо, и без ляпов написано – а не цепляет, не запоминается, не удивляет. Нет чуда. По крайней мере, когда ты только что прочитал 100 разных рифмованных текстов про берёзки или милые глаза, меньше опасности, что сам начнёшь заниматься подобными выкладками. Но сейчас – из-за нехватки времени – я, в основном, просто рекомендую авторов в издания.

Правда, я до сих пор веду портал русскоязычной литературы Австралии. Как ни странно, до нас этим ещё никто не занимался. Хотя, казалось бы, задача довольно очевидная: просто собрать всех интересных русских писателей Австралии «под одной крышей», с самого начала, с самых первых наших соотечественников, появившихся на пятом континенте, не деля авторов на «своих» и «чужих». Эта работа подарила мне удивительные открытия. Вы знаете, что одним из первых дошедших до нас русских авторов Австралии был Константин Бальмонт: он приехал в Австралию в 1912 году – правда, ненадолго. Среди других открытий – авторы знаменитых песен «Хороши весной в саду цветочки» и «Дорогая пропажа» (её пел Вертинский), да и просто много хороших стихов, интересной прозы – и порой невероятных судеб.

– Немножко поменяю тему... А сколько твоих книг вышло? Ты их сама издаешь или тебя приглашают?

Моя первая «настоящая» книга вышла совсем недавно, 3 года тому назад, когда я даже и не особо задумывалась о публикации. В Ростове-на-Дону есть замечательная ознакомительная серия, «32 полосы»: тот редкий случай, когда издательство бесплатно выпускает небольшие, всего на 32 страницы, книги интересных им поэтов и прозаиков, просто чтобы поддержать литературу и познакомить с новыми именами.

Впрочем, там не только новые имена: в этой серии публиковались Василий Бетаки, Борис Херсонский, Марина Кудимова и так далее. Конечно, было очень приятно получить приглашение в такую замечательную серию, но я, прежде всего, пришла в ужас. Мне сказали: «Пришлите 1640 строк стихов». А где я их возьму?! Во-первых, я пишу сравнительно редко, а во-вторых, с каждым годом всё более критично относишься к написанному, и не хочешь «выпускать» то, чем ты сам не совсем доволен.

Но в результате у книги оказалась довольно счастливая судьба: в год выпуска она вошла в список «65 лучших книг года» в России, а в следующем году – в длинный список премии от «Литературной газеты». А потом появилась ещё одна книга – сама собой, неожиданно. Вы уже рассказывали о замечательном художнике Михаиле Толстых на сайте ЛитСеть. Впервые я его увидела, когда он пришёл на мои поэтические чтения. А потом меня пригласили в его мастерскую. И когда я стояла (по-моему, с открытым ртом) перед одной из его картин, Миша тихо подошёл и сказал: «Я эту картину видел, когда вы читали стихотворение “Поэт эпохи динозавров”». И после этой фразы я поняла, что у нас действительно огромное количество параллелей: прежде всего, это заслуга картин – в них такая глубина и многоплановость, что каждый может читать их по-своему. В результате появилась книга-путешествие, состоящая из картин, стихов и небольших рассказов – «Разбитое пространство».

– Как ты считаешь, почему поэзия так мало совместима с коммерцией в отличие от прозы, музыки, живописи и других видов искусства?

Хороший вопрос, Лис. Я думаю, потому, что хорошие, настоящие стихи – это маленькое чудо, другой функциональности у них в наши дни нет, по большому счёту. А настоящее чудо – не программируемо, поэтому на нём одном очень сложно построить бизнес-план. Только когда покупатель уже и так убедился, что этот конкретный автор – хотя бы иногда бывает волшебником, или когда читатель сам нашёл для себя функциональность того или иного автора, можно продать его книгу. Иначе всё ограничится раскладками аудитории типа «Вот мой знакомый Вася – приятный человек, почему бы не послушать на его выступлении, что там у него сейчас происходит в жизни».

С прозой, музыкой, живописью – проще: у них есть основная функциональность. И когда «сверх этого» случается чудо, то есть вы вдруг находите для себя нечто абсолютно прекрасное, то это –

неожиданный «бесплатный подарок в придачу», но не то, за что вы, собственно, заплатили.

Например, проза: человеку всё надоело, и хочется вечер просто побыть в другом измерении, пытаясь угадать – «кто убил господина N». Или слетать в другую галактику, пережить любовное приключение, побыть среди эльфов или среди юных волшебников, кому что нравится. Люди примерно знают, что они покупают, это входит в привычку – и поэтому издательства могут худо-бедно работать: планировать продажи, печатать тиражи, тратить деньги на рекламу и т.д. Создаются книжные серии – и человек, пришедший в магазин за морковкой, купит морковку – вкуснее или хуже, но ему не подсунут ананас, на который у него, предположим, аллергия. И вечером он будет счастливо грызть свою вожделенную морковку, а доест – придёт за новой.

С музыкой – тоже понятно: человек слушает радио, например, в качестве фона, когда ведёт машину – и вдруг слышит «своё». Или танцует с девушкой, или щёлкает кнопкой «лекарства от скуки» – телевизора. И на рок-радиостанции вам не подсунут попсу от которой вас, например, мутит, а на радио популярной музыки – рок, от которого у вас лично голова болит. И вот из этого, в общем приемлемого «фона» человек уже выбирает «своё». Но основная функциональность была – фон, из-за неё-то и произошло первое знакомство.

Я, конечно, утрирую – но, мне кажется, так легче понять суть явления. Так же и с живописью: как правило, продаются вещи функциональные: картину можно повесить в гостиной, или в гостинице, или в ресторане – и это покажет, что здесь «авангардно», или «уютно», или «как в Англии», и так далее.

У поэзии в разные периоды истории тоже были свои функции: дидактическая, сакральная, в более недавнее время в СССР – скажем так, «политическая» (вне зависимости от вектора высказывания). В Древней Греции поэты вполне хорошо могли заработать на хвалебных одах, да и в наши дни я знаю людей, которым заказывали гимны разных учреждений. Но сейчас практических применений у поэзии как таковой осталось очень мало. Конечно, сохранился интерес к политическим высказываниям в рифмованной форме, как, впрочем, и во многих других формах. Отлично продаются стихи замечательного Игоря Губермана и, насколько я понимаю, Игоря Иртеньева тоже. Остроумный смех людям нужен, за него готовы платить. Кроме того, нужны «проверенные» стихи о любви: и почувствовать, что «ты не один», да и включить в любовное послание. Поэтому до сих пор продаётся Эдуард Асадов: на нём стоит

чёткий штамп «о любви» и одобрение нескольких поколений определённого круга «да-да, это подойдёт»...

Но большинство поэтических книг – вещи очень разноплановые, то есть покупатели идут не «на тему», а на имя. Одна из книжных сетей опубликовала статистику продаж поэтических сборников. Все авторы в двадцатке самых продаваемых книг – общеизвестные легенды (я не знала одного автора, но посмотрев, кто это, поняла, почему: я просто не из той среды). Покупая классиков, вы покупаете возможность назвать себя культурным человеком. Или же вы покупаете не просто сборник стихов Есенина, а возможность побыть с ним – и им, немного: напеть «Ты меня не любишь, не жалеешь», почувствовать себя хулиганом, мечтой женщин, гением с трагичной судьбой и прочая и прочая. Вы уже не просто покупаете тексты, а жизнь, миф – «надтекстовое» пространство. Это немного напоминает то, что мы говорили о прозе: вы покупаете возможность пожить в другой шкуре – уже чётко означенной, обработанной и воспетой. Но сколько таких вот легенд вы знаете – и сколькими бы вам хотелось побыть? То есть не просто выложить за книгу 5 долларов, но – что гораздо более важно – быть настолько одержимым этой «легендой», чтобы найти время погрузиться в мир вашего героя – будь то Лермонтов, Полозкова или Бродский, уж что кому нравится. Если бы на этом же томике стояла фамилия Вася Пупкин, в сочетании со средней наружностью и «никакой» биографией на обложке, вы бы его просто не купили – прошли мимо.

Причём очень часто имена известны по синкретическим жанрам: в уже упомянутом списке – Владимир Семёнович Высоцкий и один автор эстрадных песен. А «Дом книги», не называя конкретных цифр, сообщил имена десяти самых продаваемых современных («послевоенных» и далее) поэтов, трое из которых – Окуджава, Городницкий и Рязанов. Я очень бы хотела увидеть человека, который впервые об Эльдаре Александровиче узнал из его поэтического сборника. Впрочем, то, что авторы песен иногда «отграничиваются» от поэзии – не совсем корректно: поэзия, как мы говорили, изначально и была песенно-речитативной, и в этом смысле поэзия вполне и продаётся, и собирает огромные залы.

Если же вас знают только в литературной среде – то цифры будут в сотню раз скромнее: во-первых, круг чисто «литературной среды» как таковой всегда был довольно узок, как мы с вами знаем, а во-вторых, поэты друг друга давно читают (или «просматривают») в сети, бесплатно. Да и формат интернета для поэзии очень удобен, «кусочный»

– в отличие от прозы, которую, по моим наблюдениям, с экрана читают гораздо менее охотно. И за новинками так следить легче: как правило, авторы их сами же и обнародуют, достаточно только найти интересных вам поэтов – они сами «принесут» вам всё самое лучшее и свежее. При таком раскладе книги купят редко: это те, кто вас уже постоянно читают, то есть аудитория, для которой вы стали своим «волшебником», личной легендой. И ещё, конечно, книги покупают на презентациях, что-то вроде «сувенира на память о приятно приведённом вечере».

– *Спасибо, Наташа. Такой подробный ответ. Но давай вернёмся к тебе. Как ты относишься к участию в конкурсах? Были ли какие-то особо запомнившиеся из них и почему?*

Сама мысль о соревновательности в поэзии мне не близка: в конце концов, оценка в поэзии – это во многом дело вкуса. Например, у всех есть свои любимые писатели и поэты из классиков, а есть классики, которые лично вам абсолютно чужды – причём имена могут радикально меняться в течение жизни. Но сами-то писатели от этого хуже не становятся.

Тем не менее, в конкурсах я иногда участвую: во-первых, меня часто приглашают – и я не вижу особой причины отказаться. Так, например, произошло с телепередачей «Вечерние стихи», которая, по сути дела, просто даёт авторам возможность почитать свои стихи, хотя там и присутствует элемент соревновательности.

А, кроме того, конкурсы – это и возможность найти нового читателя, возможность найти для себя очень интересных, близких по духу авторов – а если очень повезёт, то и хороших друзей, которые останутся с тобой надолго.

– *Спасибо за очень интересные ответы, Наташа.*

2015

Примечание: АЛЕКСЕЙ ЛИС родился в Ставрополе, с 2006 года живёт в Австралии (Мельбурн). Лауреат Городского конкурса молодых поэтов Ставрополя, автор ряда публикаций в русскоязычной периодике, создатель и руководитель нескольких творческих организаций.